

После съемки ночной сцены все вернулись в отель отдыхать.

На следующий день они встали в три-четыре утра и снова были заняты, стараясь снять эту сцену с цветущей грушей до рассвета. Команда реквизиторов приложила немало усилий, чтобы найти большой участок с цветущими грушами в долине, и они боялись, что цветов будет недостаточно, поэтому нарвали много настоящих цветов в других местах и рассыпали их перед лесом.

Цуй Лин спас принцессу Тан Циньлань, и они верхом на коне вскачь мчались, спасаясь из Ванчэна по тропинке на холм, и, наконец, оторвались от убийц.

У подножия горы царский город светился огнями, а башни, словно чудовища, выстроились одна за другой среди ночи.

На склоне холма было черным-черно, отражая звездный свет, а повсюду рассыпанные белоснежные цветы груши производили впечатляющее зрелище.

В Стране Дунну произрастали альпийские душистые груши, и, должно быть, это было фруктовое поле, разбитое здесь крестьянином.

Горный ветер дул, и белоснежные, изящные лепестки сплывали, как снег. Казалось, это и был самый прекрасный пейзаж в мире.

Цуй Лин протянул руку, и лепестки легко коснулись ладони. Он тихо рассмеялся: «Как красиво». Он прикрепил лепесток к прическе женщины в своих объятиях.

Тан Циньлань тоже, казалось, была поражена величественным зрелищем перед ней, и её обычно суровое лицо значительно смягчилось.

На ней была белоснежная шелковая мантия, а лицо было нежным и изящным. Она шла рядом с непринужденным Цуй Лином верхом на коне под дождем из цветов, как богиня.

Эта сцена и вправду была прекрасной.

Хань И тихонько поднял телефон и сфотографировал, отправив снимок Цзян Жаню.

Большой брат Цзян тут же ответил: Пошел вон!

Хань И: ...

Тан Циньлань не собиралась любоваться пейзажем, но вдруг вспомнила кое-что, и её лицо

похолодело. Она строго выговорила: «Вы ведете себя непочтительно, быстро слезайте с коня!»

Хотя Цуй Лин и спас её, но с детства никто никогда не смел так прикасаться к ней и обнимать её. К тому же сейчас опасности не было, а этот человек всё ещё крепко держал её, и он действительно был негодяем.

«Вы и правда не отличаете правильное от неправильного». Цуй Лин проворчал, но осознанно спрыгнул с коня и направился прямо к грушевому дереву. Он задрал голову, вдыхая аромат цветов, но остался неудовлетворенным, поэтому взлетел и улегся на ветке.

Тан Циньлань сидела на коне и, глядя на эту сцену, почему-то немного завидовала. Этот грубый мужчина был намного счастливее её.

Цуй Лин с улыбкой сказал: «Почему бы нам просто не сидеть и не наслаждаться цветами вместе?»

Как Тан Циньлань могла так поступить. Кто-то пытался её убить сегодня ночью. Опасность таилась в темной ночи, её терзали тревога и беспокойство, она постоянно чувствовала, что дело тут нечисто.

Цуй Лин пригласил красавицу, но получил отказ. Однако Цуй Лин не рассердился и не разозлился. Он поднял цветок, закрыл глаза и начал напевать неизвестный мотив.

Вдруг колокол в царском городе внизу прорезал безмолвное ночное небо, и глухой, приглушенный звук ударил в сердце Тан Циньлань.

Цуй Лин открыл глаза и выпрямился. Это был колокол национального траура.

Глаза Тан Циньлань расширились, все её тело дрожало. Матушка-императрица! Матушка-императрица скончалась!

Цуй Лин слетел с дерева, посмотрел вверх и увидел, как Тан Циньлань разрыдалась, её плечи слегка дрожали.

Его глаза блеснули, он как раз собирался что-то сказать, как вдруг увидел, как она сжимает веревку, дико кричит и мгновенно умчалась прочь во весь опор.

Цуй Лин пробежал за ней несколько шагов и крикнул ей вслед: «Ваше Высочество, если вы вернетесь, вас убьют».

Камера сняла лицо Цзян Чжэн, затем она внезапно натянула поводья, копыта коня взметнулись, обрызгав всё вокруг дождём, однако на её лице явно ещё были слёзы, но глаза

полны холода.

Режиссёр зааплодировал. За одну минуту после известия о кончине матери-императрицы Цзян Чжэн правильно завершила переход от шока к панике, а затем к решительности.

Тан Циньлань повернула голову коня и посмотрела вниз на Цуй Лина.

В это время только начинался рассвет, и небо с землёй были покрыты тонким слоем жёлтого сияния.

Цуй Лин грохнулся на колени, кивнул и громко сказал: «Простолюдин выражает почтение Её Высочеству. Да здравствует Её Высочество тысячу лет!»

Тан Циньлань прищурила покрасневшие глаза: «Значит, вы уже знали, кто я!»

Цуй Лин поджал нижнюю губу: «Иначе этот простолюдин дерзко догадался».

Тан Циньлань рассмеялась: «Если вы скажете это сейчас, разве не боитесь, что я вас убью?»

Цуй Лин сложил кулаки и кивнул: «Жизнь и смерть этого простолюдина не стоят и выеденного яйца. Я боюсь, что если вы вернётесь в Ванчэн, с вами может случиться худшее. Ваше Высочество - женщина из золота, вы не можете рисковать».

Тан Циньлань повесила длинный кнут на пояс и сказала: «Расскажите мне. Посмотрим».

«Её Высочество только что была атакована убийцами, а покойная императрица внезапно умерла. Это не совпадение...» Цуй Лин не стал говорить много, оставив все домыслы Тан Циньлань.

Глаза Тан Циньлань становились всё глубже и глубже. Хотя матушка-императрица старела, её здоровье было хорошим, как она могла внезапно умереть? Она не поверит в это.

Когда она об этом подумала, вчера ночью ей слишком легко удалось выбраться из дворца. А время появления этого человека было довольно странным.

Эти двое угадывали мысли друг друга. Уловки мгновенно завершились. Как и ожидалось от кинокоролевы, её выражение лица менялось свободно, а эмоции были хорошо отрегулированы.

Затем сюжет стремительно развивался дальше.

Цуй Лин снял с коня мужской наряд и заставил Тан Циньлань надеть его. Они переоделись

братьями и пробрались обратно до того, как в царском городе было объявлено военное положение. Как и ожидалось, у входа в царский город стояли явные и скрытые посты. Если бы не пара умелых рук Цуй Лина, который превратил её в другого человека, она, достопочтенная принцесса, боялась, что даже не смогла бы войти в свой собственный царский город.

Тысячи людей ползали на площади у подножия дворцовых башен, становясь на колени и рыдая. Это была групповая игра с преувеличенными эмоциями. Длинные планы опускались сверху, издалека, и, наконец, к дворцовой башне.

Внутри зала висели траурные ткани, а высоко стояли белые светильники. Придворные были одеты в белое, выглядя печальными и скорбящими. Премьер-министр Су Чанцин пропел длинную скорбную речь о заслугах покойной императрицы.

Некоторые министры возражали.

«Я не знаю, где Её Высочество?»

«Императрица скончалась, и Её Высочество должна выйти, чтобы руководить похоронной церемонией».

«Что случилось с покойной императрицей?»

В это время кто-то вышел и достал нитку жемчужин, крича, что с Её Высочеством беда. Это была реликвия принцессы, подобранная в тёмном переулке царского города.

Женщины Царства Дунну любили носить подвеску на шее, пояс на талии и кольцо. Они когда-то платили дань династии Тан, и танцы увидели, что они носят подвеску, как у бодхисаттвы, поэтому называли их бодхисаттвами.

Золотой, жемчужный и нефритовый пояс в руке этого человека ярко сиял, и только Её Высочеству полагалось его носить.

Как могло случиться в этом мире такое совпадение, что покойная императрица и принцесса умерли одна за другой? Одни поверили, другие нет. Бывшая императрица и её муж Су Минчэнь так любили друг друга, что родили только одну дочь Тан Циньлань. Впервые за последние сто лет Царство Дунну столкнулось с дилеммой, которую никто не мог понять.

Премьер-министр Су приказал нескольким министрам, пытавшимся проникнуть во дворец, чтобы выяснить обстановку, убить палками, и только тогда ситуация была взята под контроль.

Камера повернулась к задней части дворцовой башни. Министры спорили друг с другом, а внутри царила паника, и люди прятались. Тан Циньлань и Цуй Лин тихо подошли к подножию дворцовой башни.

Глядя на возвышающуюся стену, Тан Циньлань уставилась на Цуй Лина: «Вы осмелитесь?»

Она была игривой с детства и влезала на эту дворцовую башню не менее сотни, а может даже, тысячи раз. Хотя её матушка-царица неоднократно запрещала ей это, она не всегда слушалась.

Хотя выражение Цуй Лина было почтительным, слова из его рта были весьма грубыми: «Её Высочество ещё не видела способности этого простолюдина».

Тан Циньлань разозлилась, хотела снова ударить его кнутом, но сейчас было не подходящее время.

Она достала золотую шпильку из рукава: «Иди в спальню госпожи Гу, там под кроватью в тёмном отделении есть шёлковая шкатулка, принеси её для госпожи». Открыв золотую шпильку, на конце шпильки был вырезан сложный узор инь и ян.

Цуй Лин взял золотую шпильку и внимательно рассмотрел. Очевидно, это был тёмный замок, и только такой узор мог его открыть.

Тан Циньлань улыбнулась: «Я буду ждать тебя здесь». Он мог сбежать или вернуться. Ему решать.

Цуй Лин почтительно поклонился: «Этот слуга исполнит приказание».

Глядя, как Цуй Лин быстро пробегает под стеной дворцовой башни, Тан Циньлань внезапно подумала: есть ещё люди, у которых хватает смелости взбираться на одинокую стену и открывать одинокое окно.

Как только эта мысль пришла ей, она сразу напряглась, и её лицо становилось всё холоднее и холоднее.

Вне кадра Цзин Мэйни подошла и с улыбкой сказала: «Хань И, если у тебя есть хорошие связи, не ешь в одиночку».

Указывая на Цзян Чжэн, которая ждала Цзи Муе под сторожевой башней дворца, она спросила: «Мисс Цзян не профессионал, но её актёрское мастерство так хорошо. Какого знаменитого учителя, должно быть, наняли? Не порекомендуете мне?»

Хань И улыбнулся: «Мне очень жаль. Моя Чжэнчжэн рождена, чтобы играть в кино. У неё действительно не было никаких учителей».

Цзин Мэйни знала, что он так скажет, поэтому сменила тему: «В первый день чтения сценария почему человек из вашей семьи решил надеть белый свитер и джинсы?»

Она изначально хотела, чтобы Цзи Муе выложил фото с читки сценария для рекламы, но Цзян Чжэн и Цзи Муе были одеты как пара. Как она посмела выложить это фото? Позже съёмочная группа сказала, что продвижение пойдёт таинственным путём, поэтому она больше не упоминала об этом.

Хань И сердито сказал: «Что вы хотите спросить? Может, вы послали ко мне шпиона?»

Цзин Мэйни чуть не подавилась от злости.

«Не смейте провоцировать меня».

Эти двое фыркнули и разошлись.

Агенты за кадром спорили, а Цзян Чжэн в кадре уже переоделась в длинное белое шёлковое платье с золотым шитьём, которое Цуй Лин произвольно достал из дворца.

Думая о том, как Цуй Лин рылся в её спальне, Тан Циньлань хотела убить этого парня на месте.

Она скрипнула зубами и пнула ворота дворцовой башни.

Цуй Лин невольно потрогал шею.

Стражники перепугались и бросились туда, а затем все стали на колени и закричали «Ваше Высочество». Кто-то хотел улизнуть и доложить, но когда зоркий Цуй Лин это заметил, он выхватил цзяньфэй за поясом и метнул его, убив человека.

Дверь медленно открылась. Обходя круговой коридор, солнце светило на пол сквозь деревянную решётку.

Длинное платье прошло мимо, и Тан Циньлань поднялась по деревянной лестнице, повернулась и села на трон.

Все стояли перед ней на коленях, не смея поднять голову. Включая Цуй Лина.

Цзин Мэйни не хотелось просто наблюдать со стороны. Хотя сюжет «Царства Дунну» основывался на реальном историческом фоне, социальный уклон, при котором женщины превосходили мужчин, заставлял Цзи Муе много раз становиться на колени перед Цзян Чжэн. Она теперь серьёзно подозревала, что этот парень извращенец, и спешила к Цзян Чжэн, чтобы отругать его.

Цзян Чжэн смотрела, как её дорогой брат Му почтительно стоит перед ней на коленях, и тайком называла себя грешницей! Однако сюжет был сюжетом, она могла только стараться хорошо играть, чтобы с одного дубля пройти испытание и не заставлять его страдать больше.

Её взгляд замёрз, и она медленно вытянула длинный кнут из-за пояса. Рукоятка кнута была инкрустирована золотым узором куйлуна. Тело кнута было сделано из ротангового масла, которое было уникально для Страны Дунну, и пропитывалось маслом три года. Так он становился плотным и прочным.

Тан Циньлань спустилась с деревянной лестницы и остановилась перед Цуй Лином.

Сердце Цуй Лина замерло, он опустил голову ещё ниже, его брови были приятны для глаз, и он съёжился.

Этот парень раньше был наглым и своенравным, но он явно догадался о её личности, но притворился глухим и безнаказанно насмеялся над ней. А теперь, он, что ли, боится?

Тан Циньлань усмехнулась, длинная рукоятка кнута высунулась и нежно коснулась челюсти Цуй Лина, а затем медленно приподняла...

Цзин Мэйни без слов положила ладонь на лоб: О боже, это плохой жест.

Хань И выглядел взволнованным: Ого. Эта поза - полная чепуха.

<http://tl.rulate.ru/book/79166/3299867>